

НАУКА — ЗАНЯТИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ

СЕРГЕЙ ТУРИЦЫН,
ВЫПУСКНИК ФИЗИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА НГУ 1982 Г.
МЕСТО РАБОТЫ:
УНИВЕРСИТЕТ АСТОН, ИНСТИТУТ ФОТОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ,
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ, И НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ, ЛАБОРАТОРИЯ НЕЛИНЕЙНОЙ ФОТОНИКИ, РОССИЯ.
СФЕРА НАУЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ:
НЕЛИНЕЙНАЯ ФОТОНИКА, ОПТИЧЕСКИЕ ЛИНИИ СВЯЗИ,
ВОЛОКОННЫЕ ЛАЗЕРЫ

У меня не было никаких, даже самых приблизительных представлений об учебе в университете. Я просто не задумывался на эти темы, когда приехал поступать в НГУ из города Ангарска Иркутской области. Так же, как и не думал я особо во время учебы, где и кем буду работать после НГУ. Вот такой советский инфантилизм. Поэтому то, как все проходило в университете, превзошло все ожидания. В первую очередь, у меня были замечательные преподаватели, я назову их без какого-то особого порядка, и заранее извиняюсь, если пропущу кого-то: Чириков, Хриплович, Меледин, Коткин, Сербо, Чаплик, Рютов, Зелевинский, Иванов, Чересиз, Львов, Брейзман, Мушер и другие. Но в решающем смысле на мои взгляды на жизнь и науку, конечно, больше повлиял мой научный руководитель – Евгений Александрович Кузнецов и люди вокруг, такие, как Александр Рубенчик, Семен

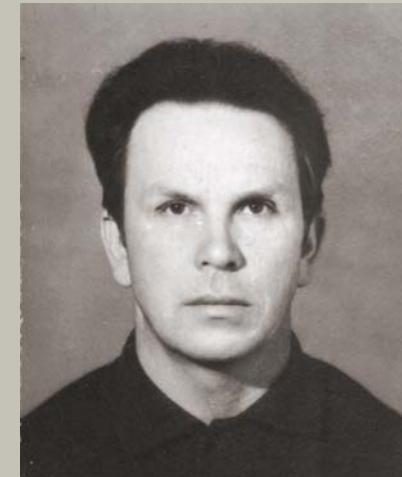

Мушер, а также Гриша Фалькович (он был на два года старше, но я все равно его назову) и Игорь Колоколов (он был младше, но я тоже его назову). Не хочу всех перечислять, чтобы кого-то не обидеть. С сокурсниками, признаюсь, мы в основном думали не про науку.

Ярким впечатлением осталась в памяти первая лекция, которую прочитал нам уходящий ректор Спартак Тимофеевич Беляев. Ну и конечно, посвящение в студенты, капутники и другие праздники. Запомнилась встреча с режиссером Андреем Тарковским в ДК «Академия». Незабываемый период

Чаплик Александр Владимирович, академик, доктор физико-математических наук, профессор, специалист в области теории твердого тела и теории неупругих столкновений.

Меледин Генрий Викторович, профессор кафедры общей физики НГУ

жизни в клубе физиков «Квант» и потом – в команде КВН. Поездка с интеротрядом вместо Чехословакии на БАМ, зарабатывание на жизнь заделыванием швов на домах – уроки жизни от Андрея Брызгалова – все это я помню до сих пор.

Тема моей дипломной работы – устойчивость многомерных солитонов. Сейчас занимаюсь, с одной стороны, похожими задачами из нелинейной физики, но, с другой стороны, в гораздо более практических приложениях – в телекоммуникациях, волоконных лазерах и других областях.

Окончив университет, я работал в Институте автоматизации и электротехники СО РАН. Мысли уехать за рубеж не было вовсе. Толчком послужило то, что Юра Кившарь на конференции по нелинейным волнам в Киве сказал, что он получил стипендию им. Гумбольдта и поедет в Дюссельдорф, в ФРГ. На мой вопрос, а что это такое, он не только ответил, но и познакомил со своим немецким профессором. Который, в свою очередь, спросил, интересно ли мне подать на эту стипендию, и предложил писать проект. Примерно таким образом все и свершилось. А идеи остаться за рубежом не было еще лет пять после того, как я там уже жил.

Боюсь показаться странным или скрывающим что-то, но и про работу, и про жизнь за границей у меня тоже не было никаких представлений. Поэтому воспринял все как данность.

Лучше ли заниматься наукой за рубежом, чем в России? И да, и нет. И термины «хуже» или «лучше», тоже не вполне, как мне кажется, правильные. Вообще наука – это занятие интернациональное, которое объединяет мир и делает все и всех ближе. То есть вопрос слишком общий, и за всех отвечать не буду. Если про меня, то у меня в Англии есть стабильная возможность мало от кого зависеть и делать то, что хочешь. Для меня это важно. Сейчас, правда, и в России у меня такая возможность есть. Не знаю, насколько стабильная. В России сейчас возникает много новых возможностей для занятий наукой и если это будет устойчиво, то и разницы большой не будет.

Слева – Спартак Тимофеевич Беляев, ректор университета с 1965 по 1978 г.

Что могло бы повлиять на мое решение вернуться в Россию? – Мнение моей жены, например. Речь ведь для многих – не про работу, а и про семью, про детей. Дело не только и не столько в деньгах, а в системе, защищенности и независимости от чьих-то дурацких мыслей и экспериментов, стабильности, наконец, и возможностях делать интересные вещи. И, вообще, я уже провожу 4 месяца в году из 12 в России. Зачем какие-то слова – «уехал», «вернулся»? У многих людей в науке работа уже давно не сосредоточена в одном месте.

Шансы у НГУ войти в ТОП-100 мировых университетов какие-то есть. Это не гарантировано, но возможно. Сильно бы помогло, если бы, как и раньше СО РАН и НГУ стали единым целым не только по сути, но и формально. Если бы НГУ стал суперуниверситетом с тремя десятками исследовательских институтов, сохранивших значительную академическую автономию, но полностью работающими на славу и престиж НГУ, то это было бы заметно в мировом масштабе. Все другие мероприятия тоже могут помочь, но не в такой степени. Свой небольшой вклад, безусловно, собираюсь делать и уже работаю в лаборатории НГУ, надеюсь, и дальше буду работать.

